

НАЧАЛО

— Боги, — обреченно вздохнул Кенет, — зачем вы создали человека таким глупым? — В чем дело? — Аритэйни оторвала взгляд от своего отражения в маленьком бронзовом зеркальце с наплавленным на него стеклом. Зеркальце было заморской новинкой. Кенет привез его жене из недавней поездки, и стоило оно недешево — но, по мнению Кенета, ни одно зеркало не может быть слишком хорошим или дорогим для Аритэйни. Лицо, которое зеркало сподобилось отражать, заведомо прекрасней любых самых дорогих и затейливых зеркал. Вот и сейчас на Аритэйни любо-дорого посмотреть. Не то что на него...

— Боги создали человека, — досадливо сообщил Кенет, — а человек создал церемониал. Очень глупая выдумка.

— И чисто человеческая, — усмехнулась Аритэйни. — Мне, как дракону, трудно ее понять.

— Мне, как человеку, тоже, — фыркнул Кенет. — Нам через полчаса нужно занять свои места, а я до сих пор не знаю, как мне одеться — как воину или как магу?

Маги редко бывают воинами, а воины почитай что и никогда не становятся магами. Кенет был единственным в своем роде исключением — и всякий раз перед любым торжественным событием ломал себе голову, мучительно пытаясь сообразить, что же ему надеть, дабы не вступить в противоречие со всемогущим этикетом — плащ мага или синий воинский кафтан хайю?

— Оденься как отец, — после недолгого раздумья посоветовала Аритэйни.

— Ни за что! — искренне ужаснулся Кенет. — Какой же из меня отец, если сынок меня мало не вдвое старше!

Действительно, положение Кенета можно было почесть двусмысленным. Обычай требовал, чтобы жениха к брачному ложу сопровождал отец, а невесту — мать... а в их отсутствие — сват или сваха. Даже и Аритэйни забавно смотрелась на месте матери: на вид они с невестой были ровесницами. Что уж тут говорить о Кенете: жениху — своему наставнику в нелегком воинском искусстве — он годился если и не в сыновья, то в младшие братья, но никак уж не в отцы.

— И зачем только я их сосватал? — возопил Кенет.

— Чтобы они жили долго и счастливо, — хладнокровно заметила Аритэйни. — Надеюсь, у них получится.

— Наверняка получится, — невольно улыбнулся Кенет.

— До сих пор не понимаю, что Тайин в нем нашла, — вздохнула Аритэйни.

— Она говорит, что он самый добрый на свете, — ухмыльнулся Кенет. — И это чистая правда.

— Кто добрый — Аканэ? — удивилась Аритэйни.

— Поверь мне на слово, — заверил ее Кенет. — Мне куда больше интересно, что Аканэ в ней нашел? Тайин, конечно, добрая девочка, нам ли с тобой не знать, но...

— Аканэ мне говорил, — ехидно ответила Аритэйни, — что Тайин самая умная в мире.

— Тайин? — слегка удивился Кенет. — Хотя... если она сумела понять, что Аканэ добрый... да, бесспорно. Он прав... ради всех богов, Аритэйни, да придумай же, что мне на себя напялить!

Когда Кенет занял свое место в свадебной процессии — по правую руку от жениха, — даже самые строгие ревнители этикета могли вздохнуть с облегчением. Сочетать несоединимое Кенету удалось. Он был облачен в воинский кафтан хайю, только не синий, а черный, праздничный, и талию его вместо положенного по уставу пояса стягивал широкий, как полотенце, разноцветный пояс свата... да вместо праздничной накидки,

опять-таки предписанной строгим воинским уставом, пристегнут — именно пристегнут, а не наброшен на плечи — белый плащ мага. По мнению Кенета, он по части внешнего вида вполне мог бы заткнуть за свой широкий пояс всех пугал огородных от Сада Мостов до Каэна, но мнения его никто не спрашивал. Зато этикет соблюден вполне, вот даже и Юкенна, придирчиво оглядев наряд Кенета, подмигнул ему с делано сочувственным одобрением. Эх, вот у кого Кенету стоило спросить, как и во что облачиться, — у его высочества принца Юкенны, профессионального дипломата, полномочного посла Сада Мостов в Дальнем и Срединном Загорье! Тот настолько привык одеваться не как душа просит, а как полагается, что ни на мгновение не затруднился бы дать приятелю столь необходимый совет. А то еще можно было посоветоваться с Акейро: наследник престола поневоле должен знать толк в требованиях церемониала.

Когда жениха и невесту усадили возле свадебного полотна и Кенет с Аритэйни подали молодым чарки с вином, самое тяжелое осталось позади. Можно было не стоять навтыжку, мучительно повторяя себе мысленно все, что обязаны сделать названные отец и мать. Можно украдкой испустить вздох облегчения. И пот со лба утереть. И на сияющие лица новобрачных полюбоваться. И на гостей свадебных. На физиономию своего побратима Акейро, такую нестерпимо довольную, словно это он женится. На принца Юкенну, которому для полноты радости на свадьбе близкого друга недостает только своих друзей из Загорья — но они придут лишь завтра, на второй день свадебных торжеств. По счастью, только завтра придёт из Каэна и отец невесты. Кенет грустно улыбнулся, вспомнив, как именно состоялось его знакомство с отцом Тайин. А заодно — чего ему стоило явиться сватом к надменному старому вельможе, который больше всего на свете ненавидел сословие воинов. Не повезло ему, бедняге, — сначала сын в воины подался, а потом любимая дочь,

свет очей и радость сердца, влюбилась в воина. Никому, кроме Кенета, не удалось бы сосватать Тайин за Аканэ... А теперь в награду за мучительные переговоры с ополоумевшим от высокомерия неуступчивым стариком Кенету приходится маяться, вырядившись, как попугай... ну нет на свете справедливости! Одна надежда, что брат Тайин, Наоки, сопровождающий посольство из Загорья, успеет прибыть завтра раньше, нежели припожалует его вельможный отец.

Однако на свадьбе недоставало еще одного гостя — что выяснилось, лишь когда он прибыл.

Едва только успели убрать чарки и полотно, едва только Акейро на правах самой властительной особы из всех присутствующих провозгласил Аканэ и Тайин мужем и женой, как толпа свадебных гостей раздалась, пропуская вперед высокого загорелого человека в пропыленном дорожном кафтане. На лбу незнакомца красовалась новенькая повязка, расшитая пестрыми шариками, какую носят бродячие комедианты, — киэн. За ним следовал другой киэн, помоложе годами и получше одетый.

Едва завидев старшего киэн, Аканэ вскочил; глаза его полыхнули радостью почти нестерпимой.

— Шутов звали? — осведомился старший, озорно прищурясь.

— Хэсситай! — воскликнул Аканэ, бросаясь к неожиданному гостю.

Имени этого из уст Аканэ Кенет не слышал ни разу. Однако, судя по тому, что лицо Тайин озарилось почти такой же радостью, как и лицо ее мужа, вновь прибывший был очень дорог сердцу Аканэ — и Тайин в отличие от Кенета знала почему.

Чинная строгость неспешного свадебного ритуала исчезла бесследно. Аканэ, сияя, как мальчишка, к которому прибыл, на зависть всем соседским сорванцам, его дядюшка-моряк, знакомил Хэсситай и его ученика Байхина со всеми своими друзьями. Когда черед дошел

до Кенета, взгляд Хэсситая задержался на его потертых черных ножнах с серебряным узором.

— Не откажи в любезности, — попросил Хэсситай, и Кенет прекрасно понял его просьбу. Не раз и не два его просили показать, что за меч скрывается в столь великолепном вместилище. Он выдвинул наполовину из ножен свой деревянный меч — не столько, впрочем, меч, по совести говоря, сколько магический посох, — помедлил немного и снова вернул меч в ножны.

— Так вот кому ты передал мой ученический меч, — обернулся Хэсситай к Аканэ. — Что ж, одобряю.

Кенет похолодел. Вот и наступил тот миг, которого он всегда втайне опасался. До сих пор Аканэ каким-то непостижимым образом не замечал, что ученик его машет его же собственным ученическим мечом... не замечал, потому что в действительности и не дарил его Кенету. Но была и другая действительность — та, в которой Кенет спас Аканэ жизнь и получил меч из его рук... та, в которой Аканэ отплатил ученику с лихвой, пожертвовав жизнью ради него... та, которую сам Кенет изменил бесповоротно — и лишь потому не забыл, подобно всем остальным. Только деревянный меч, давший Кенету прозвище, и уцелел в неизменности от той исчезнувшей реальности. И напомнил Аканэ о том, чего в новой его жизни не было и быть не могло. Лицо воина выражало тяжкую растерянность, горестное недоумение — да как же это... да ведь не может быть...

— Это и в самом деле твой меч, — вполголоса произнес Кенет, наклонясь к Аканэ. — Я потом тебе расскажу, как он ко мне попал... потом, не сейчас — ладно?

Аканэ, все еще хмурясь, кивнул. Недоумение, к немалому удивлению Кенета, с лица его исчезло очень скоро. Поначалу он еще оглядывался на Кенета с таким видом, словно собирался спросить его о чем-то, да вот позабыл, о чем — а потом и вовсе перестал. Выражение досады сменилось в его глазах искренним любопытством, с которым он выспрашивал Хэсситая о людях, Кенету и вовсе незнакомых.

— Тэйри в Загорье обосновался, — рассказывал Хэсситай, — и мастер Хэсйтан неподалеку от него. Женаты оба. С ума просто сойти можно — все женятся!

— А ты что ж не женился? — усмехнулся Аканэ.

— И я подумываю, — невозмутимо ответил Хэсситай.

Вот оно, значит, как... не помнит Аканэ о своем подарке — значит, и может помнить... а значит, и о вопросе своем тоже помнить не может... и если не забыл еще о нем, то очень скоро позабудет. И не о чем Кенету беспокоиться.

Однако неправ оказался Кенет, ой как неправ. О странной неувязке с мечом забыл Аканэ — но не его расспросов Кенету следовало опасаться.

Когда свадебная церемония, ненадолго прерванная прибытием Хэсситая, закончилась, Кенет и Аритэйни заняли свои места подле молодых.

— Успеет еще наговориться, — пообещал Хэсситай Аканэ и Тайин. — Я надолго приехал... на неделю, не меньше.

Ничего себе надолго, подумал Кенет, провожая молодых к их брачному ложу. От недавнего смятения он чуть было не позабыл повесить оберег над дверью, закрыв ее за собой снаружи, но Аритэйни была наготове и подала ему заранее приготовленный для этой цели амулет.

— Ну, теперь все, — вполголоса произнес Кенет, спускаясь по ступенькам в сад.

— Теперь все только начинается, — возразил Хэсситай. — Насколько я помню, обычай велит ближайшим друзьям караулить у дверей дома всю ночь до утра — или нет?

— Ты не ошибаешься, — понуро согласился Кенет.

— Вот и располагайся караулить, — изрек Хэсситай. — Ночь у нас впереди долгая. Посидим, поболтаем, время скоротаем. Заодно ты расскажешь, откуда у тебя взялся меч Аканэ, хотя он тебе его вроде как бы и не дарил.

Нет, но надо же было такого дурака свалить! О чем

Кенет только думал, опрометчиво давая Аканэ обещание все рассказать, когда Хэсситай стоял рядом и все-все слышал? Ведь говорил же ему Аканэ, что наставник его в воинском ремесле, смастеривший пресловутый меч, был не только воином, но и магом! Как же Кенета угораздило об этом позабыть? Помнить исчезнувшую напрочь реальность он не в силах, тут ему и магия не поможет — но позабыть о странном несовпадении он не обязан... все-таки маг... Наедине с магом Кенет, пожалуй, и пустился бы в откровенности — но ведь они тут не одни... тут и ученик Хэсситай, высокий улыбочивый Байхин... и Аритэйни, которая знает хоть и многое, но все-таки не все... а главное, тут Акейро и Юкенна, и глаза их искрятся таким любопытством, что сразу видно — от этих двоих Кенет нипочем не сумеет отвязаться. Они бы тоже забыли обо всем, подобно Аканэ, когда бы не упорный Хэсситай... ну, да теперь ничего уже не поделаешь.

— Хорошо, — произнес, помолчаав, Кенет. — Только... только вы никому больше не рассказывайте, ладно?

— Ну, раз уж это тайна... — усмехнулся Акейро.

И Кенет, мучительно давясь словами, как можно быстрее стараясь оставить позади тягостную необходимость рассказывать, кому из присутствующих и каким образом он жизнь спасал и чем все это закончилось, рассказал обещанное. Окончив рассказ, он стыдился поднять голову и взглянуть в глаза своим друзьям. Хэсситай он в эту минуту почти ненавидел: ведь именно из-за него Кенету пришлось рассказать то, что неминуемо должно представиться им пустым хвостовством и небылицей.

— Так оно и было, — произнес после долгого молчания Акейро голосом чуть надтреснутым, как в той, прежней жизни. — Когда ты рассказывал... я не то чтобы вспомнил — скорей почувствовал... так все и было.

Кенет был невыразимо благодарен Акейро за эти слова, но чувствовал себя по-прежнему неловко.

— А Кэссина я и по этой жизни помню, — внезапно

улыбнулся Юкенна своему воспоминанию. — Занятный такой парнишка, восторженный до ужаса. А кстати, где он сейчас?

— Там же, где и был, — все еще несколько смущенно ответил Кенет. — Я его под присмотром Вайоку оставил. Господин Вайоку, конечно, ветхий старичок, но вполне в своем уме. И за магом будущим присмотреть в самый раз сгодится.

Хэсситаем внезапно овладел приступ неудержимого хохота.

— Вот это сказал так сказал, — простонал он, утирая слезы смеха. — Вайоку, конечно, старикашка ветхий, спору нет... и он действительно в своем уме... а точнее будет сказать — себе на уме, и даже очень... и уж мага на путь истинный наставить он очень даже сгодится!

— Ты что, знаком с ним? Расскажи, — попросил Юкенна, дождавшись ответного кивка.

— А заодно и про меч, — мстительно потребовал Кенет. — Раз уж ты меня заставил объяснить, откуда у меня этот меч взялся, я вправе услышать, откуда он взялся вообще... да и ты сам, если уж на то пошло.

— Больно долгая история, — возразил было Хэсситай.

— Ничего, — в тон ему ехидно заметил Кенет. — Ночь у нас впереди длинная, и спешить нам некуда.

— Ладно, — вздохнул Хэсситай, — так и быть.

КОШАЧЬЯ ТРОПА

ГЛАВА 1

После недавней слякотной оттепели земля снова промерзла насквозь до звона. Бугристый лед кое-где выблискивал сквозь тонкий, как рубашка, снежный покров. Редкие искристые снежинки медленно падали и укладывались наземь одна к одной. Под ними явственно обозначалась каждая трещинка в земле, каждая вмерзшая в лед травинка. Время от времени среди крохотных белых снежинок появлялась крупная, черная. Когда ветер опускал на снег хлопья сажи, мальчик вздрагивал и замирал, прислушиваясь. Ни шороха кругом. Только сажа черными снежинками беззвучно валится на белую землю. Далеко их занесло... вот уже и дом сгорел дотла, и защитники его погибли, и убийцы убрались восвояси, а сажа и пепел все еще носятся в морозном воздухе. И тишина окрест... такая тишина, что хочется услышать что угодно... как попискивает в огне заледеневшее дерево, перед тем как заняться пламенем по-настоящему... как тягучий свист стрелы сменяется предсмертным вскриком... как рушатся с воем и грохотом пылающие стропила... пусть даже и это... все равно... только бы хоть что-нибудь услышать... чтобы не мерещился в звящем безмолвии гул копыт, чтобы не чудилась за спиной неумолимая погоня.

Мальчик обернулся. Позади — никого и ничего. Лишь его собственный едва приметный след. Поначалу снег таял под его босыми ступнями, и они оставляли за собой маленькие черные отпечатки. Теперь же его ноги только приминали снег, чуть припоротивший мерзлую

землю. Если не приглядываться, следы почти незаметны. Не найдет его никто... нипочем не найдет.

Однако на сей раз топот копыт ему не померещился. Только слышался он не сзади. Он летел мальчику в лицо вместе с комьями грязного снега.

Мальчик не попытался убежать: он не то что ног под собой — даже боли в ногах не чувствовал. Он только съежился и замер, когда наездник осадил коня рядом с ним. А потом силы окончательно оставили мальчика, и он начал медленно валиться на вспыхнувший внезапной радугой снег.

Из-за спящей пелены до него внезапно донеслось чудовищное богохульное ругательство, и мальчик заставил себя приподнять тяжелые от инея ресницы: голос был ему смутно памятен — и он не был голосом врага. Этот голос мальчик изредка слышал в отцовском доме... давно... когда еще дом стоял и отец был жив... и этот человек приезжал к нему в гости... и называл его своим другом... а мальчика — воителем... и на руки его подымал... совсем как сейчас...

Всадник спешил, мгновенно сбросил теплый плащ, укутал им мальчика и прижал к себе.

— Значит, я все-таки опоздал, — тихо и безнадежно произнес он.

Мастер Наставник Хэйтан низко склонился, переждал несколько мгновений и распрямил спину, но не полностью, оставаясь в легком, еле заметном полупоклоне. У обычного человека спина бы заняла уже через несколько мгновений. Хэйтан мог пребывать в этой позе — равно как и любой другой — столько, сколько потребуется. Хоть сутки, хоть двое. И на то, что нелепая угодливость заставляет терзаться его чувство собственного достоинства, тоже не пожалуешься: нет у него такого чувства. Для воина из тайного клана Ночных Теней иметь чувства — и вовсе непозволительная роскошь, а уж тем более чувство собственного достоинства — пожалуй, самое неуместное из всех. Но вот здравый смысл мастера Хэйтана страдал сугубо. Когда Ночные Тени

отправляются на дело во внешний мир, прикидываясь обычными людьми, они вынуждены подчиняться требованиям внешнего этикета — но при этом не сам воин следует смехотворным правилам, а то заурядное создание, которым он притворился. Пустая маска, оболочка. Поступай с ней, как тебе угодно: хочешь — мни, хочешь — гни. Но здесь, у себя дома, мастер Хэйтан — никакая не оболочка, не пузырь, который можно надуть чем угодно. Он — это он, мастер Хэйтан. Так какого рожна он гнет спину перед заезжим гостем, который только то преимущество перед Хэйтаном имеет, что родился во внутренних покоях собственного столичного дома? Статочное ли дело — унижаться перед существом, которое мнит себя воином, а сам и восьмерых противников не одолел бы? И все же тело Хэйтана сгибается в поклоне еще прежде, чем разум его успел вспомнить о необходимости поклониться, а с уст сама собой слетает давным-давно затверженная формула униженной вежливости:

— Благополучно ли добрался изволили, высокородный господин?

Дурацкий вопрос. Какое там благополучно — всадник с ног до головы в снегу, конь с ног до головы в мыле. А мальчишка, сопровождающий гостя, и вовсе поморозился в пути: повязки ему явно не в доме накладывали. Ноги мальчика перевязаны впопыхах, чем попало, едва ли не прямо в седле на полном скаку.

— Главное, что добрался, — устало ответил гость.

Несмотря на утомление, гость не норовил расположиться на отдых сам, а ждал, покуда ему предложат присесть. Редкая для вельможи вежливость. Обычно любой высокородный клиент считает себя вправе распоряжаться, словно у себя дома. Надо отдать гостю должное, человек он из понимающих.

— Извольте присесть, господин. — Хэйтан поколебался немного, но все же пригласил сесть и мальчику-сопровождающего. Вообще-то не положено... ну и пес с ним, с неположенным и недозволенным. Мальчишка

того и гляди сомлеет. И вряд ли высокий гость будет этим очень доволен.

— Извольте вкусить от наших скромных яств. — Хэйтан широко повел рукой в сторону низенького столика, на котором красовались те немногие кушанья, которые вельможа имеет право отведать под кровом простолюдина, не роняя своей вельможной чести: соленые орешки, тыквенные семечки, сухое печенье трех видов и горячий благоуханный отвар, слегка сдобренный пряностями.

А все этикет, будь он неладен! Иззябшего путника надо бы накормить досыта да напоить горячим вином. Равного себе Хэйтан и накормил бы. Так ведь предложи он, простолюдин, высокородному гостю откусывать запросто, чем богаты... худшего оскорбления и измыслить невозможно. Как невозможно и предугадать, что вытворит гость в ответ — снесет ли голову дерзкому оскорбителю, возмнившему о себе невесть что, или себе глотку перережет, не в силах пережить сей несмываемый позор? Вот и приходится клиенту с мороза семечки шелкать. При том что живет Хэйтан если и не побогаче его, то уж посытнее — наверняка.

Гость и мальчишка-сопровождающий одновременно воздели вверх свои чаши, выражая почтение к приютившему их крову, отхлебнули отвар и так же одновременно поставили чаши на стол. Гость кинул в рот несколько соленых орешков. Мальчик прикусил узкое длинное печенье, даром что мог бы проглотить его не жуя, и за вторым тянуться не стал, хотя от голода у него так скулы сводило, что разве слепой не заметит. Редкостно воспитанные гости. Для таких Хэйтан в охотку постарается. Если, конечно, гость не запросит чего-нибудь совсем уж невероятного... но это навряд ли.

— Чем могу быть полезен высокородному господину? — осведомился Хэйтан с небывалой для него приязнью в голосе: обычно он встречал клиентов куда как холоднее.

— Не мне, — покачал головой гость. — И я не уверен, что сможете. Я только надеюсь.

— До сих пор ни один из наших достопочтенных гостей не жаловался, что мы не выполнили задания, — отрезал Хэйтан.

— Речь идет не о задании, а о просьбе, — возразил гость. — И если вы... не захотите... значит, так тому и быть. Я постараюсь придумать что-нибудь другое.

— Значит, господин сомневается не в том, сможем ли мы исполнить его уважаемую просьбу, а в том, захотим ли? — уточнил Хэйтан.

Гость утвердительно склонил голову.

Любопытно. Крайне любопытно. С подобным мастер Наставник Хэйтан за всю свою жизнь еще не сталкивался.

— Не соизволит ли высокий гость удостоить нас изложением своей просьбы? — Хэйтан мысленно слегка поморщился, окончив фразу. Ясно же, что гость не из обычных — так стоит ли с ним обращаться, как обычай велит?

— Моя просьба касается вот этого мальчика, — тихо произнес гость. — Это сын моего близкого друга... и долг велит мне укрыть его от судьбы, постигшей его отца.

Хэйтан чуть заметно кивнул в знак того, что понял. Ай да гость! Хоть и молод, а все едино не промах. Он не сказал ни одного слова, которое можно бы почесть уликкой. Ничего непоправимого. Ничего, что заставило бы Хэйтана отказать ему, даже не дослушав, ибо на сей счет имеются строгие предписания закона — предписания, кои Ночные Тени давно научились обходить. И судьба неведомого Хэйтану отца этого мальчишки — не секрет. Такими обиняками не говорят о смертельной болезни, случайном пожаре или землетрясении. Отец этого парнишки был убит людьми короля Сакураана. А дело-то серьезно оборачивается. Что могло заставить взбалмошного мстительного короля не только отправить человека в ссылку в здешние гиблые места, но и

отдать приказ уничтожить ссыльного? И ведь не только его: если парнишку приютить некому... если вообще возникла нужда его приютить... нет у него больше ни дома, ни родни. И ни малейшей надежды выжить. Уж если король порешил известить весь род неугодного ему человека, так просто от преследования он не откажется.

Так вот что привело молодого рассудительного гостя в поселение Ночных Теней! Теперь ясно, почему он перевязывал обмороженные ноги мальчика не в теплом доме, а под открытым небом, под валящим снегом — и вне всяких сомнений, на полном скаку! Тут уж не до поисков тепла и крова — впору хватать мальчишку и мчаться во весь опор, да не к себе домой — именно там в первую очередь и станут искать, если заподозрят. Так молодой вельможа и поступил. Умно. Очень умно.

— Долг дружбы свят, — медленно выговорил Хэйтан, выбирая самые подходящие слова — выражающие все и не выражающие ничего. — И поистине прискорбно, если выполнить его нет возможности.

Лицо гостя закаменело. Он не знал, в каком смысле истолковать слова Хэйтана — как согласие или как отказ.

— При всем моем искреннем почтении к высокородному господину, — склонил голову Хэйтан, — я вынужден заметить, что вы не в силах дать этому отпрыску поистине достойного рода столь же достойное воспитание, которое вооружило бы его против жизненных тягот.

Гость прислушивался к словам Хэйтана очень внимательно, чтобы не прозевать скрытый в них намек. Однако Хэйтан сделал столь недвусмысленный упор на слове «вооружило», что и дурак бы понял — а молодой гость отнюдь не был дураком.

— Воистину так, — улыбнулся гость. — Признаться, я и сам так считаю. Моя заветная мечта — отыскать тех, кто мог бы позаботиться об этом мальчике, как должно.

— Полагаю, мои воины воспитаны не худшим образом, — делано чопорным голосом произнес мастер Хэйтан, веселясь в душе. Они с гостем уже давно поняли друг друга, но надо же и церемониал соблюсти.

— Я был бы счастлив, если бы мальчик получил хоть вполчину столь же высокодостойное воспитание, как ваши несравненные воины, — поклонился гость.

— У Ночных Теней не принято делать что бы то ни было вполчину, — позволил себе усмехнуться Хэйтан. — Мальчик получит все, что нужно, дабы ему не пришлось беспокоиться о чести своего имени или о хлебе насущном.

Гость судорожно сглотнул. Значит, понял. Принять на воспитание сына опального ссыльнопоселенца даже и для Ночных Теней небезопасно. А вот усыновить приبلудного бродяжку, едва не замерзшего насмерть в метель, — совсем другое дело. Гостю не придется беспокоиться об оплате этой услуги — когда мальчик станет одним из воинов клана, он и сам отработает свой хлеб. Вот только пожелает ли гость такой судьбы сыну своего друга? Что ему дороже — честь покойного или жизнь его сына?

— Если мастер изволит заняться воспитанием этого мальчика, — после недолгого молчания выговорил гость, — я буду совершенно спокоен за его будущее.

А в здравом смысле тебе не откажешь, дорогой гость! Что ж, будь по-твоему. Уж если твой ум взял верх над вельможной спесью, отказа тебе не будет.

— Вино сюда, — негромко распорядился Хэйтан, — и три чаши... нет, четыре.

Мальчишка, еще не прошедший первого посвящения, в чьи обязанности входило прислуживать за столом, помчался исполнять приказ. И нескольких минут не прошло, как на столе возник кувшин вина и четыре чистые чаши для совершения обряда.

Хэйтан, как и положено, налил вино в чашу гостя — кровь, переходящую в клан Ночных Теней, следовало возместить кровью земли, как велит обычай. Когда же гость поднес чашу к губам, Хэйтан плеснул немного вина в четвертую чашу и вылил вино в очаг — ибо по праву эта чаша предназначалась тому, кто уже не может ее пригубить. Отцу мальчика.

— Приведи кого-нибудь из старших учеников, — велел Хэйтан, когда он и новоиспеченный ученик, в свою очередь, испили вина. Все тот же мальчишка выбежал из комнаты и вернулся с высоким ладным парнем лет шестнадцати. Парень поклонился Наставнику и гостям и замер в ожидании приказа.

— Риттай, — произнес Хэйтан, — это новый безумный. Покажи ему, где он теперь будет жить, и выдай ему новую одежду.

Мальчик встал, молча поклонился, старательно подражая движениям Риттая, и вышел вслед за старшим учеником. Ничего не скажешь, воспитан малыш отменно. Пожалуй, для Ночных Теней это не такое уж обременительное приобретение, как думалось Хэйтану поначалу. Может, и будет толк из мальчугана.

Хэйтан подошел к окну. Мальчик ковылял за Риттаем, стараясь не отставать. Что ж, он не только неглуп и наблюдателен. В присутствии духа ему тоже не откажешь.

— Чему меня здесь будут учить? — Нелепый этикет внешнего мира запрещал мальчику лично обратиться с вопросом к наставнику, но если бы он не спросил ни о чем у Риттая, Хэйтан почел бы его безвольным баловнем, привычным плыть по течению. Да, по части самостоятельности у мальчика тоже все в порядке.

— Боли, — ответил Риттай, не задумываясь. На свой лад он прав. Для восьмилетнего мальчика, урожденного жителя внешнего мира, основным в обучении окажется именно боль.

Мальчик поднял на Риттая сосредоточенный взгляд.

— Кажется, это я уже неплохо умею, — произнес он.

Именно эти давние слова и вспомнились мальчику, когда он ожидал своей очереди пройти — или *не* пройти — Посвящение в самом конце шеренги своих сверстников. Риттай оказался прав. За время своего обучения мальчик узнал много такого, о чем и не догадывался, — но наибольшее число сведений он почерпнул о том, что и как в человеческом теле может болеть. Вывихнутые суставы, растянутые связки, свыше сил на-

труженные мышцы, обожженная или обмороженная кожа... это не говоря уже о тех разнообразных ощущениях, которые причиняет удар, нанесенный должным образом в должное место. А еще говорят, что к боли привыкнуть нельзя! Тот, кто это изрек, наверняка не был ни Ночной Тенью, ни даже учеником.

Но привыкнуть не значит полюбить. При одной мысли о предстоящем Посвящении мальчик зябко поводил голыми плечами. Уж если привычные, каждодневные труды ученичества так мучительны... какой же новой, еще неизведанной болью встретит его Посвящение?

Три дня — или, вернее, трое суток — ожидающие Посвящения из кожи вон лезли, показывая, на что они способны по части обычных и не совсем обычных воинских умений. Очевидно, им удалось превзойти себя, ибо в праве пройти обряд ни одному из них отказано не было. Подростки выложились полностью, и теперь, измотанные тремя сутками непосильного даже для них напряжения, они изо всей мочи старались достойно встретить последнее испытание: не уснуть, ожидая, когда настанет их черед. Кое-кто пытался делать вид, что вовсе не хочет спать, иные украдкой позевывали, отвернувшись. День выдался знойный, и мальчиков даже в тени разморило до полного изнеможения. И почему им так не повезло? Окажись нынешний день пасмурным и прохладным, Посвящение давно бы уже шло своим чередом. Но мастера Наставники ни за что не упустят случая подвергнуть своих питомцев неожиданному испытанию. Начинать обряд они медлили явно намеренно. Не уснет ли кто, не изменит ли ученикам выдержка в самый последний момент... иногда такое случалось. Но не тут-то было: мальчики с ног валились от утомления, и им просто не доставало сил, чтобы толком разнервничаться. Ими овладело тяжеловесное спокойствие усталости.

Когда мастер Хэйтан жестом подозвал пока еще безымянных своих учеников к себе, мальчик повиновался, почти уже не осознавая, что он делает и зачем. Его слег-

ка подташнивало от усталости, в голове звенело. Он вошел вслед за Наставником в распахнутый настежь Дом Посвящения. После невыносимо яркого солнечного света прохладная темнота показалась мальчику тишиной... целым озером тишины... неподвижным дремлющим озером. Мальчик даже прислушался невольно — не плеснет ли хвостом верткая серебристая рыба? Мысль о возможной боли уже не занимала его. Страх остался там, снаружи, под жгучим полуденным солнцем.

Он не мог бы сказать, откуда в руках мастера Наставника взялся небольшой узкогорлый кувшинчик — но при виде него напрягся вновь: мальчик знал, что в нем находится. Заполучить состав этого зелья мечтал не один военачальник. Снадобье, способное навсегда изменить человека, придать ему почти нечеловеческие способности — или убить в нечеловеческих муках. Взрослого воина, не прошедшего вдобавок особого обучения, зелье убило бы наверняка. Для подростка, потомка многих поколений Ночных Теней, снадобье не таило в себе опасностей. Для хорошо обученного пришельца со стороны, невзирая на вполне подходящий возраст, результат оставался гадательным. Сколько бессонных ночей мальчик провел в размышлениях о грядущей боли — а возможно, и смерти... но сейчас ему отчего-то не было страшно. Может, ему и жить-то осталось всего ничего... и все равно не страшно. Наверное, это неправильно — не испытывать страха в такую минуту. Он попытался укорить себя за неподобающее моменту отсутствие страха и даже устыдился, но испугаться ему так и не удалось. Вопреки рассудку и здравому смыслу мальчик не мог заставить себя думать о смерти. Он думал лишь о том, каким окажется на вкус таинственный напиток. Гадость, наверное, жуткая...

Но мастер не предложил ученикам пригубить зелье. Он зашел им за спину. Мальчик с недоумением услышал несколько сдавленных вскриков — а потом, в свою очередь, вскрикнул и сам, когда вдоль его хребта скользнула холодная, как змея, струйка воды. Так вот

как действует снадобье — оно проникает в спинной мозг! Мальчику показалось, что у него и вовсе нет хребта, а взамен него сквозь тело течет ледяная жидкость... такая холодная... обжигаяще холодная... он успел почувствовать, как чьи-то руки бережно подхватили его обмякшее тело... потом жгучий холод в спине сменился мгновенным жаром... а потом и жар исчез — осталось только ровное ласковое тепло.

Он моргнул и уселся поудобнее. Высокая трава щекотала его голую спину. Солнце стояло совсем невысоко над горизонтом, но припекало всюю... день обещал быть жарким. Шутки, однако, шутит с ним его память! Он ведь твердо помнит, что полдень уже наступил... или еще нет? Хотя какой там полдень — вон даже роса еще не высохла... странная, по правде говоря, роса... а может, и не роса вовсе? Что еще может так блестеть на стеблях?

Мальчик снова моргнул и протер глаза. В густой траве сияли светлячки. Светляки — днем? Светляки, усевшие траву, словно бутоны... а вот и еще один раскрыл лепестки... луг, средь бела дня цветущий светляками?

Мальчик встал и побрел наугад по светлячковому лугу. Светлячки осыпали его ободранные коленки сияющей пылью, и это уже не казалось ему странным. Недавняя усталость куда-то исчезла. Легкий ветерок чуть колыхал траву. По небу лениво плыли куда-то похожие на птиц облака. Мальчик уходил по лугу все дальше и дальше, и ему хотелось, чтобы светлячковый луг никогда не кончался, чтобы этот дальний кустарник так и не приблизился, чтобы можно было брести и брести неведомо куда...

Кустарник на краю луга оказался самым что ни на есть обыкновенным. В его густой тени поблескивал небольшой ручей. На берегу ручья сидел человек в подвернутых до колен штанах и удил рыбу.

При виде этого мирного зрелища у мальчика язык к нёбу прилип. Никто в точности не может знать, что или кто встретит тебя в глубинах Посвящения... но еще ни-

кто и никогда не встречал здесь *человека*. Не будь мальчик так ошарашен, он бы, пожалуй, испугался.

Мальчик сделал нерешительный шаг вперед; под ногой у него что-то хрупнуло. Незнакомец поднял голову и помахал рукой в знак приветствия.

— Что ж так долго-то, Хэсситай? — произнес он укоризненным добродушным баском. — Я тебя заждался.

Хэсситай. Мальчик пошевелил губами, словно пробуя имя на звук. Хэсситай. Так его отныне будут называть. Это его имя.

— Хэсситай, — повторил он вслух.

— Присаживайся, — пробасил рыболов. — Ты хоть удочку с собой захватил?

Хэсситай помотал головой:

— Нет... я... я забыл... то есть я не знал... но ведь это неважно.

— Правда твоя, — кивнул рыболов. — Хорошему рыбаку удочка ни к чему, верно?

— Но я тороплюсь, — выдавил Хэсситай. Ничего подобного он не ожидал и порядком подрастерялся.

— Куда? — Рыболов повел рукой; движение его было удивительно округлым. — Куда можно спешить, когда ловишь рыбу? Рыба торопливых не любит.

— Но я не буду ловить рыбу, — растерянно произнес Хэсситай.

— Не будешь? — удивился рыболов. — Зачем же ты тогда пришел?

— Обрести имя и зверя, — отчеканил Хэсситай. Эти слова он запомнил хорошо. Наставник часто твердил ученикам, что не знает и не может знать, кого они встретят и с чем столкнутся, проходя Посвящение, но их непременно спросят, зачем они явились, и ответ нужно дать подобающий. *Обрести имя и зверя*. Эти слова Хэсситай повторял так часто, что они слетели с его уст как бы помимо воли.

— Зверя? — усмехнулся рыболов. — Тут всех зверей — только ты да я.

У Хэсситая в глазах потемнело. Безымянные нередко

рассказывали друг другу страшные байки о Посвященных и Посвящении. Истории о бедолагах, так и не встречавших своего боевого зверя, своего потустороннего Наставника, были среди них в большом ходу. Хэсситай и сам с удовольствием пересказывал эти душераздирающие повествования мальчикам помладше. Но ни одного воина, лишенного зверя-покровителя, ему среди Ночных Теней встречать не доводилось. Неужели это не досужие вымыслы? Неужели такое может случиться? Неужели такое может случиться *с ним*?

— Не может быть! — вырвалось у него. — Они, наверное, где-то прячутся...

Рыболов пожал плечами.

— А вы хорошо искали? — донельзя несчастным голосом спросил Хэсситай.

— Не искал, — невозмутимо ответил рыболов. — И тебе не советую. Сам ведь знаешь: если искать то, чего нет, обязательно наткнешься на то, чего не искал. На что-нибудь ненужное.

— Но мне очень нужен зверь, — попытался возразить Хэсситай.

— А ты ему? — поинтересовался рыболов. — Если ты ему нужен, он и сам тебя найдет. Объявится через недельку-другую. Если это твой зверь, ты узнаешь его сразу. И незачем тебе совать свой нос под все лопухи придорожные. А если ты ему не нужен, тем более незачем. Ты его не найдешь.

Он подпернул сползающую штанину.

Недельку-другую... что ж, в этом есть свой резон. Вот, наверное, почему Посвященные не сразу называют своего зверя. Вот почему так долг срок очищения после обряда. Наверняка иным воинам их зверь явился не сразу, а погода, во время очистительного поста... но вправе ли Хэсситай надеяться на такое чудо?

А может, в этом и состоит последнее испытание? Проявит он упорство — или малодушно отступится?

— Я все-таки пойду поищу, — решительно заявил Хэсситай.

— Рыбу, значит, ловить не будешь? — разочарованно вздохнул рыболов. — Ну что ж, иди, коли так торопишься.

Хэсситай сделал шаг. Рыболов посмотрел на него, укоризненно покачал головой, взялся за ветку кустарника, сильно дернул — и у Хэсситая внезапно землю потянуло из-под ног. Он пошатнулся, вскинул руки, пытаясь удержать равновесие, но все же упал... и его ладони глухо стукнули о деревянный пол.

Мастер Хэйтан подошел к нему и помог сесть.

— Наконец-то ты очнулся, — сказал Хэсситаю Наставник. — Я уже, честно говоря, беспокоиться начал.

В этот миг Хэсситаю было не до раздумий: руки-ноги словно кипятком налились, в голове звенит... в обморок бы от слабости не хлопнуться. Но впоследствии он размышлял не раз: а что случилось бы, останься он ловить рыбу? Возможно, его зверь уже тогда вышел бы на бережок полакомиться уловом... а возможно, Хэсситай на веки вечные остался бы у ручья... а может, и что похуже? Ответа он не знал, как не знал его и Хэйтан, которому ученик, как и велит обычай, поведал о пережитом во время Посвящения все, кроме одного — удалось ли ему встретить своего зверя: об этом расспрашивать не принято. Но о звере мастер Наставник как раз и не расспрашивал: довольно уже и того, что Хэсситай встретил *человека*... право же, есть о чем призадуматься.

Спящие дышали так тихо, что человек несведущий принял бы их за мертвых. Человек пятнадцать лежат и видят сны — и хоть бы чье дыхание превратилось в храп или хотя бы в уютное сонное посапывание. Хэсситай позволил себе вздохнуть только мысленно: настоящий вздох прозвучал бы в молчаливой ночной темноте наподобие грохота.

Хэсситаю не спалось. Он не раз и не два расслаблял тело до плавной текучей мягкости, шептал мысленно слова, заставляющие уснуть раньше, чем окончишь их произносить. Бесполезно. Дух его не был спокоен. А когда душа мятется, даже сонное зелье, одна шепоть кото-

рого и слона заставит храпеть во весь хобот, и то не усыпит, хоть ты целую горсть этого снадобья в рот запихай.

Вокруг Хэсситая спали невесомым чутким сном его сверстники и погодки. Те, с которыми он так недавно вместе проходил первое, юношеское еще Посвящение и наречение имени. Те, чья кровь стала его кровью во время священного таинства. Сотайнники. Собратья.

Сотайнники, как бы не так.

Хэсситай на Посвящение надеялся люто, свирепо надеялся. Очень уж его измаяло одиночество. Чужой он здесь. И всегда был чужим. Эти парни родились здесь, знали друг друга с первых дней жизни, с первых шагов. Хэсситай пришел в клан восьми лет от роду. Наскочил ветер ни с реки, ни с поля. Посторонний. Чужой. Да не просто чужой — другой. Как говорится, собачий рог, олений коготь. Глупо, наивно было надеяться, что рог приживется на собачьей голове. Не место ему там. Но Хэсситай надеялся. Надеялся вопреки очевидному. Вопреки всей той враждебности, которой встретили его ровесники.

В первый же день его избili — деловито, молча и жестоко. И совершенно равнодушно. Просто чтоб поучить стороннего паренька уму-разуму. Уличная шпана измолотила бы его в кровь, но эти мальчишки хорошо знали, как бить и убивать, не оставляя следов, даром что ни один не был старше Хэсситая. Уже знали. Мастер Наставник отнял его обеспамятевшим от боли, но на теле Хэсситая не было ни единого синяка. Если к утру он бы помер от побоев, мальчишки могли бы гадать вслух, отчего сподобился ноги протянуть новый парнишка — такой вроде крепкий на вид, хоть и заморенный немного, а вот поди ж ты... Всыпал им тогда мастер так, что аж звенело. И новичка бить запретил.

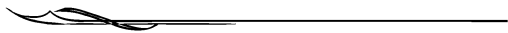
Это было хуже всего.

Если бы мальчишки продолжали его бить время от времени... ну что ж, он бы то ли помер, то ли нет. Помер бы — так есть ли ему зачем жить. А выжил — так стал бы для них если и не своим, то хотя бы и не совсем

чужаком. Сами-то они друг дружку бивали не раз, и старшие в их разборки вступали редко: насажают сопли себе синяков поперек ребер, так крепче будут. Это после Посвящения драться нельзя. Позорная смерть ожидает посмеявшегося поднять руку на своих. Так ведь до Посвящения никто никому не свой. И именно в жестоких мальчишеских драках и выделяются свои, которые будут проходить Посвящение вместе.

Конечно, мастер по-своему прав: то, что для этих мальцов было всего лишь дракой, могло прикончить Хэсситая на месте. Но сверстник, которому нельзя и по затылку съездить... Запрет мастера-наставника свят, и никто не посмел переступить через него. Хэсситая больше не били... но лучше били бы. Ибо Хэсситай сделался для ровесников не чужим даже, а вроде как бы мертвым. Только вот мертвым в жертвенную пищу никто дохлых крыс не подкладывает. Зачем бить, если можно тихо изводить, подстраивать мелкие и не очень мелкие пакости, гадить исподтишка — да так, что, если и вздумает новичок пожаловаться, ни на кого с уверенностью указать не сможет. То есть смочь-то он сможет: мальчишки всегда каким-то неведомым образом чувствуют, кто именно налил им сапожного вара в ботинки, даже если истинного виновника нигде нет поблизости и за делом его никто не видел. Но доказать отвергаемый чужак ничего не сможет, а посему пусть чувствует себе на здоровье.

Если бы только мастер-наставник не запретил его бить! Тогда Хэсситай мог бы подкараулить кое-кого из заводил и отметелить так, чтоб памятно было. Еще не прожив в клане и года, он уже был вполне способен постоять за себя: здешняя выучка пошла ему впрок. Но можно ли ударить того, кто тебя ударить не смеет и не ударит? Пакостить в ответ или доносить Хэсситай не хотел, ответить на обиду кулаками не мог. Оставалось одно: все время быть начеку, прятаться, уворачиваться. Вот уж прятаться Хэсситай умел, как никто из его сверстников. Ему, в отличие от них, уже приходилось скры-

СОДЕРЖАНИЕ

Начало 5

Часть первая

КОШАЧЬЯ ТРОПА 13

Глава 1 13

Глава 2 31

Глава 3 52

Глава 4 69

Глава 5 88

Глава 6 100

Глава 7 120

Глава 8 138

Глава 9 157

Глава 10 176

Глава 11 198

Маленькое отступление 204

Часть вторая

УЧЕНИК ШАРЛАТАНА 206

Глава 1 206

Глава 2 225

Глава 3 246

Глава 4 262

Глава 5 281

Глава 6 302

Глава 7 321

Глава 8 343

Глава 9 363

Глава 10 382

Заключение 401

Глоссарий 405